

есть...».⁴⁶ Точно такую же опасность «самовольных» тенденций усматривал Владимирова в народной иконописи: «...неуки человеки и невежди по своим волям марают (иконы, — А. Р.) неистове и зловидно» (35), они стали «на самовольстве без подлинника неискусне марати» (33).

Удар Владимирова был нанесен по самым популярным центрам народной иконописи. Он отвергал как раз те иконы, которые «Шуяне и Холуяне, Палешане на торжках продают» (33). Ему вторил Симеон Полоцкий, который в послании царю жаловался: умножились «человеци прости (на поле приписано: «палешаня, шуяня, кинешемцы, холуяне») небрегушии истины в начертании святых икон», они, как считал автор, «мораят личины непотребны» (5—6).

Для Владимирова было очевидным, что иконописью должны заниматься люди благочестивые, причем только те, кто обучен «премудрому художеству» (35), а в «премудром живописании» нужно было держаться заветов «добрых мастров» (52), согласно свойственному им западному «любомудрию» (45). Здесь возникал вопрос не только о профессиональной, но и о социальной «избранности», необходимой будто бы для занятий иконным писанием. Сам Владимирова, выходец из посадской среды, подобного принципа не выдвигал. Но в грамоте трех патриархов (Паисия Александрийского, Макария Антиохийского, Иоасафа Московского) от 1668 г. поддерживалась практически неосуществимая, но идейно одобряемая тенденция феодализации состава изографов: «...никто же от раб или пленник хитрости иконней учится, но токмо благородные чада ... тому художеству навывают».⁴⁷

Критикуя народное искусство, Владимирова наглядно обрисовал те социально-экономические условия, которые сопровождали широкое распространение отвергаемых им икон: «...сельстии жители добрых писем не збирают, а ищут дешевых икон» (33). «Ныне, — писал он с негодованием, — прости и неискуснии мазари ... иконы пишут, ... на дыбулю и на яйцо сельским бабам променивают» (41), «на базаре» плохих икон «много обрящешь нагваздано», они «плохи и дешевы, иногда же и горшки дражае икон купят» (60). Вся эта иконопись поддерживалась интересами «невежескаго ради купоторжества» (33), а «невегласи» уклонялись «в прасольские неистовые» иконы (61). Народное отношение к феодально-аристократической иконописи, по точному наблюдению Владимирова, базировалось на том, что «простые» люди любят «дешевые иконы. Драгое же и премудрое живописание возненавидеша» (61).

Эти описания Владимирова продажи на базарах «прасольских» дешевых икон воспроизводили ту же самую обстановку, в которой в это же время велись живые народные споры по взволновавшим все общество социально-религиозным вопросам. Об этой обстановке Симеон Полоцкий писал с возмущением: «Разглагольствуют ныне о богословии мужие, ... препираются и на торжищах скотопродателие, да не реку в корчемницах пиянии. На последок и буия женишща словопрение деют безумное...».⁴⁸ Ученик Полоцкого Сильвестр Медведев, говоря о демократическом характере волнений 1682 г., подчеркивал, что «неучи, мужики и бабы, говорили невозбранно, собиралися ... мужики простые кучами, и все совещали: како бы им веру старую утвердiti?».⁴⁹

⁴⁶ Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань, 1857 (далее: Игнатий Тобольский), стр. 33.

⁴⁷ Материалы для истории иконописания в России. Сообщено П. П. Пекарским. — Известия имп. Археологического общества, т. V, вып. 5, СПб., 1865, стр. 7.

⁴⁸ Вечеря, л. 5—5 об.

⁴⁹ И. Сахаров. Записки русских людей. СПб., 1841, стр. 18 (Записки Сильвестра Медведева).